

## КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

DOI: 10.31857/S032150750010865-3

## РОМАН ИЗ ОМАНА - ПОБЕДИТЕЛЬ THE MAN BOOKER INTERNATIONAL PRIZE-2019

© 2020 А. М.-Н. АЛЬ-РАХБИ (Оман), В. ЗАРЫТОВСКАЯ

АЛЬ-РАХБИ Ахмед Мохаммед Насер (Оман), кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН (a.alrahbi@yahoo.com)

ЗАРЫТОВСКАЯ Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН (widaad@yandex.ru)

**Резюме.** Статья посвящена наиболее заметному арабоязычному произведению 2019 года - роману писательницы из султаната Оман Джохы аль-Харти, получившему мировое признание вместе с премией Букера для переведенной на английский литературы. На основе интервью писательницы рассматривается история создания романа «Небесные тела», а с помощью литературоведческого анализа выявляются его новаторские приемы и культурная значимость, которые, по мнению авторов, выводят современную арабскую литературу, и в первую очередь - женскую прозу Залива, на качественно новый уровень.

**Ключевые слова:** Международный Букер, арабская литература, Оман, Джохы аль-Харти, «Небесные тела»

## NOVEL FROM OMAN - THE WINNER OF THE MAN BOOKER INTERNATIONAL PRIZE-2019

Ahmed M.N. AL-RAHBI (Oman), PhD (Philology), Assistant, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (PFUR) (a.alrahbi@yahoo.com)

Victoria N. ZARYTOVSKAYA, PhD (Pedagogics), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (PFUR) (widaad@yandex.ru)

**Abstract.** The article is dedicated to the most prominent Arabic-language work of 2019 - the novel of the writer from the Sultanate of Oman, Jokha al-Harhi, who received world recognition along with the Booker Prize for translated literature into English.

Based on the interview of the writer, the history of the creation of the novel «Celestial Bodies» is examined, and with the help of literary criticism its innovative techniques and cultural significance are revealed, which, according to the authors, bring modern Arabic literature, and especially the female prose of the Gulf, to a qualitatively new level. Particularly distinguished are such techniques as microsets, polyphony, the stream of consciousness. It is emphasized that the work became a kind of encyclopedia of the region due to the fact that it reflected the latest history of the Sultanate and absorbed a large number of dialect words, sayings, signs and traditions.

The authors also draw attention to the fact that al-Harhi managed to catch the pulse of time and reflect the psychological problems of Oman's modern society, especially its middle generation, which, on the one hand, does not adhere to the firm foundations of the fathers, and on the other, is shocked by the rapid socio-economic development that spawned spoiled youth. In conclusion, it is noted that over the past half century, Oman has made a leap not only in socio-economic, material development, but also, only recently, it would seem, by eliminating illiteracy, has been able to reveal a generation of talented writers, among whom there are many women whose work is worthy of attention.

**Keywords:** International Booker, Arabic Literature, Oman, Jokha Al-Harhi, «Celestial Bodies»

Современная арабская литература с ее животрепещущими вопросами и экспериментальными художественными приемами находит отклик не только у арабского читателя. Доказательством этого стало присуждение премии *The Man Booker-2019* роману писательницы из султаната Оман Джохы аль-Харти (1978 г.р.) «*Sayyidaat al-qamr*» (дословно «Повелительницы луны», в английском переводе Мерилин Бут «Небесные тела»/«*Celestial bodies*»).

В отличие от основной Букеровской премии, существующей с 1969 г., в этом конкурсе, впервые проведенном в 2015 г., принимают участие не изначально написанные на английском языке книги, а произведения, переведен-

ные за календарный год с любого другого языка на английский. При этом оценивается как мастерство переводчика, так и значимость самого произведения: автор и переводчик разделяют награду.

Арабские писатели все увереннее заявляют о себе на международном уровне как художники слова, затрагивающие темы, актуальные и интересные для читателей из разных стран.

В 2018 г. в короткий список *The Man Booker International Prize* вошло произведение, в оригинале написанное на арабском - «Франкенштейн в Багдаде» иракца Ахмеда Саадави. В 2019 г. в длинном списке, помимо победительницы, значился мастер короткого рассказа из Палестины

Мазин Мааруф со сборником «Шутки с оружием в руках» («*Nukaat al-musallahiin*»).

В итоге, Джоха аль-Харти обошла из короткого списка: чилийскую писательницу Алию Трабукко Серан с романом «Непрожитое»; представительницу Польши Ольгу Токарчук, победившую за год до этого и на этот раз представившую книгу «Пройдись плугом по костям мертвых»; знаменитую француженку Анни Эрно (автобиографическая книга «Годы»); немецкого прозаика и поэта Мариона Пошманна («Сосновые острова»); Хуана Габриеля Васкеса из Колумбии с романом о политических убийствах «Форма руин» [1].

Джоха аль-Харти стала первой оманской женщиной-писательницей, переведенной на английский язык, и вписала свое имя в историю как первый арабоязычный литератор, победивший в *The Man Booker*.

До получения международного признания книга прошла долгий путь. Первый ее тираж в оригинале вышел в 2010 г.

Как рассказывает сама Джоха аль-Харти, написание романа стало для нее отдушиной, своеобразным спасением от одиночества и невозможности идентифицировать себя в шотландском обществе, в котором ей пришлось прожить несколько лет, прежде чем она получила диплом доктора филологических наук на отделении древней арабской литературы Эдинбургского университета. В ненастные холодные вечера, уложив ребенка спать, она предавалась воспоминаниям, идущим из детства. Перед ней вставали красочные картины рынка, слышались разговоры женщин, делящихся новостями за кофе, чувствовался аромат оманских блюд, разыгрывались сцены из местной жизни. Так рождался ее роман [2].

В 2011 г. жюри, пожалуй, самого престижного в арабском мире конкурса беллетристов и публицистов *Sheikh Zayed Book Award* включило роман аль-Харти в короткий список. Затем последовали попытки найти издательство, которое перевело бы его и напечатало на английском. По словам аль-Харти, это тоже было нелегко, ей не раз намекали, что «спокойный» Оман менее интересен, чем горячие точки Ближнего Востока, что охотнее взялись бы издавать автора из Ирака или Сирии. Однако работа Джохи аль-Харти лишь при первом приближении кажется классическим романом о мирной жизни, в котором описываются судьбы нескольких поколений одной семьи.

В неспешное и последовательное повествование автора о безответной девичьей любви Мийи, старшей из трех сестер, уже со второй главы врывается

голос одного из главных героев - Абдуллы, за которого Мийю выдают замуж, сына торговца Сулеймана. Обрывочные воспоминания Абдуллы из детства, еле сдерживаемая злость на не прекращающего орать ребенка, страдающего аутизмом, нелепые оправдания перед являющимся ему во сне покойным отцом за то, что он оставил умирать в больнице воспитавшую его бывшую рабыню, у которой из-за диабета отняли ноги - все это от главы к главе выявляет цепь драматических событий, ведущих к раскрытию тайны внезапной смерти его родной матери спустя две недели после родов.

К концу романа мы слышим уже многоголосицу, на нас направлен поток сознания не только Абдуллы, но и воспитавшей его черной невольницы Хафизы и свободного художника Халеда, которого в детстве семья, из-за опасения репрессий, вывезла в Египет.

С каждой страницей язык становится все экспрессивнее, рассуждения глубже и эмоциональнее, поступки героев безрассуднее. Ускоряется не только время - меняется пространство: из мира натуральных предметов деревенского быта мы перемещаемся в живущую в другом ритме неоновую столицу, наполненную пластиковыми одноразовыми вещами и спешащими на быстрый перекус людьми.

Стиль последней главы уже можно обозначить как сюрреализм, где правда перепутана с вымыслом и бредом воспаленного сознания Абдуллы. Его всюду преследует призрак отца, под пятой которого он прожил свою молодость. Покойник является ему на заднем сиденье автомобиля, на пляже, трясет седой бородой, продолжает упрекать и порицать. Однообразные взмахи руками страдающего аутизмом младшего сына доводят Абдуллу до сумасшествия, одновременно он стыдится его. Сын кажется ему рыбой, Абдулла ныряет вместе с ним под воду и выпускает «на свободу», ослабляя захват рук - таков финал романа.

220-страничная книга состоит из очень коротких 58 отрывков, от одной страницы до 5, своеобразных микросюжетов. В ней нет последовательной хронологии, традиционного развития одной линии, постепенного нарастания напряжения и кульминации. Каждая глава в нем - это своеобразная вершина, выброс личных переживаний или болезненных обид и, вместе с тем, деталь красочной мозаики оманской жизни.

Фигура Абдуллы не случайно стала центральной. Именно он представляет среднее, то есть на сегодня социально самое активное поколение оманцев, уже не живущих по строгим правилам отцов, но и не спешащих бездумно перенимать новые веяния.

С одной стороны, Абдулла тяжело переживает холодные, если не сказать скупые, отношения с отцом, от которого он не знал ласки. С другой, видит избалованность собственных детей, встающих из-за общего стола, чтобы пойти поужинать в Макдональдс. Да и женщины среднего поколения оказались в ловушке: от них ожидают соблюдения всех ритуалов и покорности, но у них уже другие чаяния и амбиции - научиться водить машину, открыть собственный салон красоты, построить трехэтажный дом, выучить английский. Мийя даже дочку назвала «странным» именем Лондон.

Аль-Харти уловила пульс перемен и их психологические последствия для оманцев. Внутренний мир героев наполнен страхом перед будущим: Холя боится, что не справится с ролью разведенной женщины; Лондон не верит в то, что ее сердечные раны сгладятся - это рубец на всю жизнь; Мийя не представляет, какая жизнь ее ждет дальше с ребенком с аутизмом; Азан, отец сестер, приходит в ужас от того, что в тупик зашли его тайные любовные отношения с красавицей-бедуинкой; Зарифа не находит себе места, после того как Хабиб сбежал из Омана, а за ним в поисках лучшей жизни в другие страны подался и их сын.

Но лейтмотив романа - не страх. Прежде всего, обращает на себя внимание ощущение скованности по рукам и ногам, чувство внутренней несвободы. И не только в прямом смысле для рабов: некоторые из них, как Хабиб, даже после отмены рабства нет-нет, да и завоют по ночам, сокрушаясь над своей сломанной судьбой. Рабство давно отменили, о чем и твердит его сын Сангяр своей матери Зарифе, но она уже не может думать по-другому, для таких, как она, устои не меняются.

«Да ты что! - завизжала Зарифа. - Сулейман убьет тебя! Назвать ребенка таким же именем, именем господина?! С ума спятил! Ты с кем равняешься? Кто тебя воспитал? Кто наукам обучил? Кто женил?» [цит. по: 3, р. 93] (перевод с араб. здесь и далее - *Зарытовской В.Н.*).

Даже «хозяйский» сын Абдулла не в лучшем положении, чем сын Зарифы. Отец не давал ему деньги на школьные завтраки, потому что в это время они на монетку просто посмотреть мечтали. Первое, что сделал Абдулла после смерти отца - уехал получать диплом о высшем образовании, о котором он так мечтал и который его отец с насмешкой называл картонкой. А за те же шалости отец его наказывал жестче, чем Сангяра: связывал веревкой и опускал вниз головой в колодезь.

Свободна ли Салима, мать трех сестер, проводившая сиротское детство приживалкой в доме дяди?

В то голодное время за ней зорко следили, чтобы она не взяла лишнего кусок со стола. Не было у нее и кусочка ткани, чтобы сшить кукле платья. И танцевать-петь на свадьбах ей не полагалось, она только наблюдала за тем, как веселятся дочери рабынь. Все детство она просидела голодной у кухни, глаза на то, как свободны в отличие от нее в своих играх дети рабов. Вряд ли по-настоящему свободен и ее муж поневоле - Азан, связавшийся с красавицей-бедуинкой и уже мучающийся в этих любовных путах: ни забыть он ее не может, ни сойтись с ней.

«Свободные отношения. Однако по прошествии нескольких недель Азан убедился, что их связь становится ничем иным, как самым страшным рабством. И что это будоражащее желание обладания друг другом обмотало их такими тугими путами, что ни о чем больше они и думать не могли. Они бесконечно то сходились, то расходились и чувствовали себя куклами этой круговерти, накрепко привязанными к ее колесу» [цит. по: 3, pp. 78-79].

Их дочь Мийя, как прикованная, целый день сидит с больным сыном. А разве может быть свободен и счастлив набожный Марван-Тахер (по прозвищу Чистейший), который заковал себя в рамки «иконы», чтобы соответствовать ожиданиям окружающих и возложенным на него надеждам родителей? По ночам он ворует у родственников вещи и деньги, а утром бьет себя за это, потом накладывает на себя пост до изнеможения и бледности, в которой соседи видят свечение особой святости. Его кошмар заканчивается тем, что, ставив у матери ничтожную сумму денег, он вскрывает себе вены кинжалом отца на своей вороватой руке и на рассвете тихо умирает в ванной.

Даже свободный художник Халед, казалось бы, вырвавшийся из-под опеки отца, стремящегося реализовать в нем то, чего сам не смог достичь, с годами меняет на своих полотнах застывших в высоком прыжке мускулистых скакунов на зарисовки женщин в традиционных одеждах, ступающих по земле тяжелыми ногами.

Логичным дополнением к мотиву страха становится такое часто вспыхивающее у героев чувство, как стыд. Но не тот стыд, который человек испытывает при попадании в неловкую ситуацию или при осознании собственных ошибок, как Марван-Тахер, страдающий от маниакального фетишизма. Автор вскрывает другую социальную проблему: стыд, чувство позора из-за вещей, в которых человек объективно не виноват - таких, как болезнь, бедность, неудачи. И так уж сложились обстоятельства, что он выделяется своей бедой среди остальных.

Это выделение из общества, когда на тебя могут показать пальцем, когда ты не похож на всех остальных, порождает мучительное чувство стыда - на наш взгляд, не характерного для современного западного общества или характерного, но не в такой степени. Так, Мийя долгое время не хочет видеть, что ее младший сын-аутист, часами наблюдает за кружением вентилятора на потолке, и настаивает на том, чтобы он пошел в ту же обычную школу, куда ходят дети ее сестры.

Семья учительницы Ханаан, изнасилованной в общежитии с другими женщинами группой подростков, отказывается подавать в суд, боясь огласки. Молодой, стремительно продвигающийся по карьерной лестнице офицер Зайед стыдится своего полоумного отца, в прошлом попрошайку, который сегодня уже в шутку просит подать чего-нибудь сладенького: ему просто скучно сидеть одному дома и хочется пообщаться с людьми. Сын запирает его дома, а после очередной неприличной выходки отца находят с пулей в голове.

И главному герою Абдулле становится не по себе, когда сын на пляже машет, не переставая, руками, привлекая внимание окружающих. Абдулла кричит призраку отца, чтобы тот взял мальчика с собой, потом входит с ним в воду...

Как семейную эпопею роман Джохи аль-Харти сравнивают с романами «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса и «Аль-Харафиш» Нагиба Махфуза. У Джохи аль-Харти действие разворачивается в оманском поселке аль-Авафи, которого на карте не существует. Но поселок, по задумке создательницы [4], символизирует старый, провинциальный Оман, куда, как замечает один из героев, оманцы едут хоронить своих родных, ведь там есть то, чего нет в столице - кладбище.

На примере трех дочерей Азана - Асмы, Мийи и Холи - показаны различные судьбы современной оманской женщины: от брака поневоле до борьбы из последних сил за свою любовь. Но все они по-своему несчастны. Рассудительная Асма, от которой муж-художник запирается в своей комнате, посвящает свою жизнь детям. Выданная родителями замуж безмолвная Мийя замыкается в себе, часами спит днем.

«Сон станет для нее еще большим чудом и даром, чем молчание, в нем она не слышит говорящих. Все молчат вместе с ней. Ее даже сновидения не посещали. По ту сторону яви обязанности снимались с ее плеч. Задремав, она переставала что-либо чувствовать и избавлялась от навязчивости реального мира: от однообразных жестов Мухаммеда, предсмертных криков и победоносных воплей из коробки телевизора...» [цит. по: 3, р. 50].

Своейравная Холя, добившись возвращения любимого, решается на развод, так как мстит за свою молодость, растраченную в ожидании и отравленную ревностью.

«Что-нибудь ты положил бы в мою протянутую руку! Письмо из одного слова. Полуночный звонок. Сон, в котором бы ты не отворачивал от меня лица. Один шаг навстречу мне. Один медленный разворот в мою сторону. Что-нибудь. Ухмылку. Вздох раздражения. Грошовую безделушку. Все это значило бы так много для меня! Но не было ничего! Ничего! А сейчас всего этого вместе не будет достаточно!

Она сжимала губы. Что сказать мужчине, для которого десять лет не существовало ни дома, ни детей? За эти десять лет у нее в душе были посеяны такие семена, из которых выросли одни колючки» [цит. по: 3, р. 221].

Несмотря на то, что главным героем произведения выступил муж Мийи Абдулла, на наш взгляд, большее внимание в романе уделено именно женской доле, о чем свидетельствует оригинальное название произведения.

Что же касается перевода романа на английский как «Небесные тела», то переводчик своим выбором этого словосочетания, упомянутого в тексте, вывела на первое место любовные линии романа и еще раз подчеркнула невозможность двух половинок, ищущих друг друга по свету, соединиться воедино, поскольку они вовсе не части целого, а независимые друг от друга планеты.

«Когда наступило понимание, что его любовь исчерпана, ее сначала охватил ужас, но потом она, будучи уже женщиной с опытом, разумно рассудила и приспособилась. Она продолжала любить его, смиренно и сдержанно, отгородив для себя собственное пространство, уважая его границы, проявляя терпение и мудро в чем-то уступая. Они так и жили, как два небесных тела, у каждого своя траектория и своя судьба...» [цит. по: 3, pp. 178-179].

Парадоксальность романа заключается в том, что на 220 страницах в нем благодаря перемежению техники потока сознания с авторской речью достигается высокий уровень психологизма и вместе с тем полностью охватывается период новой истории султаната, который за три поколения из центра работоторговли превратился в быстро развивающееся нефтедобывающее государство.

За этот период Оманская империя, практически переставшая существовать, успела превратиться в очередной протекторат Британии, заключить Себский договор (1920 г.), признающий автоно-

мию под управлением имамов во внутренних областях, пережить восстание имама Галиба ибн Али аль-Хинаи в ответ на притязания султана на территории имамата в 1957 г., противостояние на аль-Джабаль аль-Ахдар (Зеленое плато), введение британских военных подразделений, в 1964 г. - восстание в Дофаре, в 1970 г. - бескровный дворцовый переворот, подъем патриотизма, т.н. «ан-Нахду»<sup>1</sup>, и, наконец, нефтяной бум. Отражение в романе нашли вплетенные в судьбы героев эти события, а также голод после Второй мировой войны и разорительные для этой прибрежной страны наводнения.

Надо отметить основательность и нестандартность подхода автора к историческому аспекту повествования. Изучив документы британских архивов, аль-Харти изложила не только общеизвестные факты, чем роман вызвал общественный резонанс [4]. Рассказав о том, как предка Зарифы Сангура на корабле переправляли в Оман с Занзибара, аль-Харти разоблачила схемы колониальных стран, потворствующие работорговле Омана, что они официально порицали и с чем якобы бо-ролись.

Более того, роман вобрал в себя образцы классической арабской поэзии аль-Мутанабби и ар-Руми, стихи оманского просветителя аль-Бахляни, известного как Абу Муслим аль-Омани (ум. в 1920 г.). А также столько диалектных слов, поговорок, примет, праздников, детских забав, народных средств лечения и традиций, сопровождающих человека от рождения к свадьбе и до смерти, что произведение можно назвать краткой энциклопедией Омана для тех, кому мало знакома уникальная культура этой самой восточной точки Арабского мира.

Со своей стороны, Мерилин Бут назвала работу над англоязычной версией романа вызовом для переводчика. Здесь присутствует романтика бедунинской жизни, упоминаются привезенные рабами с восточного побережья Африки языческие обряды *зар*<sup>2</sup>, описывается сбор фиников всех сортов и приготовление из них *фагора*<sup>3</sup>, система ирригации *аль-афлядж*<sup>4</sup>, прокалывание в десяти местах ушей девочкам, ношение охранных амулетов, от-

деление от семьи родившей женщины, состригание пушка новорожденному, вложение в его рот мякоти питательного финика, сватовство, похороны и многое другое.

«Небесные тела» - это первое произведение аль-Харти. Об успешном дебюте писательницы говорит тот факт, что уже проданы права на его перевод на азербайджанский, португальский, болгарский, китайский, хорватский, французский, греческий, венгерский, итальянский, малайялам<sup>5</sup>, норвежский, персидский, румынский, словенский, шведский, турецкий и русский языки.

Вторая ее работа - «Наринджа» («Горький меранец»), в которой аль-Харти описывает феномен одиночества в миграции и опыт поиска спасения от тоски, также не осталась незамеченной - ей была присуждена национальная литературная премия султана Кабуса (*Sultan Qaboos Award for Culture, Arts and Literature*) в 2016 г. В 2021 г. ожидается выход этой книги на английском языке [5].

\* \* \*

В заключение отметим, что за последние полвека Оман совершил рывок не только в социально-экономическом, материальном развитии. Недавно, казалось бы, ликвидировав неграмотность, Оман смог явить поколение талантливых литераторов, среди которых немало женщин, чье творчество достойно внимания.

Кроме Джохи аль-Харти, уже громко заявившей о себе, можно назвать другие имена: Бушры Хальфан, чей первый же исторический роман «Аль-Баг» (2016 г.) об Омани середины прошлого столетия также вызвал большой интерес [6]; Худы Хамед - редактора культурного журнала «Низва», распространяемого, в т.ч. за пределами Омана; Аиши аль-Дармаки - языковеда и председателя Культурного клуба Омана; детской писательницы Азхар Ахмед; поэтесс Саиды Хатер и Фатымы аль-Шиди; драматурга Амны Рабии Сальмин и др.

Мы надеемся, что их произведения, отражающие богатую культуру этого региона и его насущные проблемы, увидят свет и на русском языке.

<sup>1</sup> Ан-Нахда (*араб.* - пробуждение, возрождение) - термин, который используется для обозначения периода культурного и социально-экономического подъема (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Зар - языческий религиозный культ, предполагающий овладение какого-либо человека (как правило, женщины) божеством, после чего она получает на время способность проводить исцеление. Возникнув в центральной части Эфиопии, распространился в Египте, Судане, Сомали и вместе с вывезенными рабами в Юго-Западной Азии.

<sup>3</sup> Фагор - собираемые первыми недозрелые крупные желтые финики, которые варят, чтобы они долго хранились (*прим. авт.*).

<sup>4</sup> аль-Афлядж - системы орошения сельскохозяйственных угодий, разделяющие и равномерно распределяющие ограниченные в этом регионе водные ресурсы. С 2006 г. - объект Всемирного наследия ЮНЕСКО.

<sup>5</sup> Малайялам - дравидийский язык, распространенный на юго-западе Индии. На нем говорят свыше 35 млн человек, в основном в индийском штате Керала.

**Список литературы / References**

1. Женщины доминируют в шорт-листе международного Букера. (Women dominate the shortlist of the International Booker) (In Russ.). <https://calendar.fontanka.ru/articles/8011/> (accessed 25.02.2020)
2. Jokha al-Harhi achieves a global victory for the Arabic novel (In Arab.). <https://middle-east-online.com> (accessed 22.02.2020)
3. Al-Harhi J. 2012. Celestial bodies (In Arab.). Beirut. Daraladab, 222 p.
4. Jokha al-Harhi: I wrote «Celestial bodies» to warm up with my emigration in place and in language (In Arab.). *Nizwa*. 02.11.2019.
5. Jokha al-Harhi struggled to get prize - winning «Celestial bodies» published in English. <https://www.thenational.ae> (accessed 27.02.2020)
6. «Al-Bagh» - a life of questions about love, transformations and confusion (In Arab.). *Al-Quds al-arabi*. 21.10.2016.